

Станциани Алессандро. За пределами азиатского деспотизма. Евразийский рост в глобальной перспективе. Лондон: Блумсбери, 2014. 219 с.

Аннотация. Русскому читателю представляется новое сравнительно-историческое исследование видного французского историка. Рецензентом затрагиваются общие положения работы, показана ее структура, разобраны основные положения. Книга является обзором распространенных в западноевропейской и американской литературе представлений о специфике «российского варианта» развития в раннее Новое время. Разбирая ряд ключевых проблем русской истории этого периода, А. Станциани показывает, что в западных обобщающих концепциях исторического развития Россия часто представлена в соответствии с бытующими в общественном сознании устойчивыми стереотипами, причем нередко – в противоречии с достигнутым в науке уровнем знаний. Специалист широчайшего профиля, А. Станциани привлекает широкий круг новых работ как по рассматриваемым проблемам русской истории, так и по смежным вопросам. Автор рецензии полагает, что новая книга А. Станциани, отличающаяся взвешенностью оценок и широтой взглядов, является важным шагом к преодолению продолжающего существовать между отечественной и западной русистикой разрыва и представляет большой интерес как для западного (европейского и американского), так и для отечественного читателя.

Ключевые слова: Алессандро Станциани, «азиатский деспотизм», история России, раннее Новое время, социально-экономическая история, экономическая отсталость, «военная революция», крепостное право, холопство, территориальная экспансия.

Annotation. The review introduces the new comparative study of A. Stanziani, a renowned French historian, to the Russian specialists, discussing the author's general approach, thesis and arguments. The book considers the dominant concepts of West European and American historiography on the specifics of Russian variant of the transformations of the Early Modern era. Using the wide range of modern historiography, A. Stanziani reveals that the conventional perceptions of the major problems of Russian history of that period strongly affect the general schemes of historical development, which often contradicts the current level of knowledge attained by specialists. The reviewer suggests that the work of A. Stanziani, with its balanced and broad vision, is an important step to overcoming the alienation between the studies of Russian history in Russia and abroad, and is of great importance for both Russian and Western specialists.

Key words: Alessandro Stanziani, "Oriental Despotism", History of Russia, Early Modern period, social and economic history, economic backwardness, "military revolution", serfdom, kholopy, territorial expansion.

Новая книга Алессандро Станциани, одного из самых известных западных специалистов по истории России раннего Нового времени, написана в несколько необычном для отечественной историографии жанре. Это критический обзор существующих в англоязычной литературе мнений и суждений по ряду ключевых проблем русской истории московского и императорского периодов.

Проблема обобщения результатов, достигнутых в специальных работах, характерна, на-

верное, для любой историографии. При этом изучение истории чужой страны, конечно, сильно отличается от изучения истории национальной. Углубленные исследования отдельных проблем играют здесь значительную роль, но общее представление об истории той или иной страны в западной науке формируется в значительной степени на уровне обобщающих концептуальных работ, рассматривающих ее как один из вариантов общемирового исторического процесса.

Между тем применительно к русской истории европейская и американская науки находятся в достаточно сложном положении. Во-первых, существует обширная национальная историография, причем на языке, которым владеют немногие специалисты и на который на Западе распространяется «индальгенция незнания». Суть ее заключается в том, что «допускается, если исследование, посвященное англоязычному писателю, вышло на японском языке, сделать сноску, что факт публикации вам известен, но... вы ее не читали. Подобная “индальгенция” в западных университетах обычно распространяется на восточные и славянские языки, и потому существуют весьма серьезные работы по Марксу, авторы которых заранее объявляют, что не читают по-русски» [12, 34–35]. Кроме того, отечественная манера представления результатов традиционно довольно сильно отличается от западноевропейской, состав наиболее влиятельных изданий и конференций неочевиден, а вся масса публикаций плохо систематизирована и еще хуже представлена в Интернете. Во-вторых, на Западе бытуют устойчивые стереотипы, касающиеся места русского «варианта развития» в мировом историческом процессе, восходящие к эпохе холодной войны или даже к еще более ранним временам; от них несвободны и историки, особенно те, для которых история России не является основной сферой интересов. В итоге в обобщающих концепциях исторического развития Россия часто представлена в соответствии с этими стереотипами, причем нередко – в противоречии с достигнутым в науке уровнем знаний.

В своей полемической работе А. Станциани ставит задачей рассмотреть «общепринятые» взгляды на русскую историю в свете новых исследований. «Во время правления Петра Великого и после Крымской войны (1853–1856), в ходе большевистской революции в 1917 г., путча <...>, финансового кризиса <...> Запад был уверен, что видит свидетельства неизбежного коллапса России; этого, однако, так и не произошло. Каковы причины этого и почему существует столь существенный разрыв между ожиданиями Запада и ходом русской истории?» – спрашивает ученый в первом абзаце своей книги [13, 9].

Поскольку речь идет о том, каким образом история России раннего Нового времени вписывается в общемировой контекст, А. Станциани

исследует ее на фоне новых работ и новых подходов к истории других стран. Ученый широчайшего диапазона, в списке трудов которого значатся работы по истории десятка стран и множества эпох, от империи Великих Моголов до Третьей республики во Франции, он привлекает новейшую историографию Средней Азии, Индии, Ирана, Китая и одновременно показывает споры, которые ведутся по близким сюжетам в истории европейских стран.

При обращении к сюжетам русской истории А. Станциани опирается в основном на англо- и франкоязычные работы; советские и российские исследования привлекаются от случая к случаю и по большей части сугубо «инструментально» – для того, чтобы подтвердить тот или иной факт. В принципе подобное ограничение оправданно – речь идет о дискуссии внутри западного сообщества историков, и автор жертвует историографической полнотой ради того, чтобы обсуждаемые тексты имелись на доступных широкому кругу западных читателей языках. В то же время оно нигде не сформулировано в явном виде, что может вызывать недоразумения. Например, автор говорит, что в обсуждении проблемы крепостного права в России «наиболее значительный вклад внесли такие ученые, как М. Конфино, С. Хок, Э. Виртшафтер, Э. Мелтон и Д. Мун» [13, 108]. Признавая заслуги этих исследователей (к которым следует добавить и самого А. Станциани, автора недавно вышедшей книги «Крепостничество. Труд и право в Евразии, XVI–XX вв.» [14]), это утверждение все же трудно принять без оговорки, что речь идет именно об англоязычной науке.

В книге шесть глав. Первые две имеют характер развернутого введения – в них анализируется понятийный аппарат и формулируются проблемы. Остальные четыре посвящены наиболее активно обсуждаемым в западной литературе проблемам русской истории.

В первой главе, «Историческое измерение экономической отсталости», автор подвергает критическому анализу распространенное в западной литературе представление об «экономической отсталости» как наиболее характерной черте российского исторического процесса. По мнению А. Станциани, господствующие в западной науке теории равно грешат европоцентризмом: «Одни делают ударение на доминировании посредством знания, другие – экономики; в любом случае <...> мировая история пишется как история появления западного капитализма,

который устанавливает свое доминирование в мире» [13, 24]. При этом в большинстве случаев «противопоставляется идеальный образ Запада (в первую очередь – Англии) не менее идеальному образу России» [13, 15–16]. По убеждению автора, ныне созрели предпосылки для формирования совершенно иного подхода, который «избегает мерить страну исключительно меркой идеализированного Запада» [13, 26].

Вторая глава – «За пределами азиатского деспотизма. Консолидация территории и оформление государств в Евразии». А. Станциани показывает, что европейская традиция восприятия России как страны «азиатского деспотизма» достаточно стара и восходит как минимум к Монтескье, хотя конкретное содержание этого тезиса менялось со временем. «Позитивисты, либералы и социалисты и позже марксисты, – пишет ученый, – хотя и отстояли друг от друга весьма далеко во многих других отношениях, были едины в том, что подчеркивали экономические различия между Россией и остальным миром» [13, 36].

В четырех параграфах главы он раскрывает внутреннюю противоречивость многих общих построений, связанных с историей России. Так, распространено представление, что создание регулярной армии оказало тормозящее воздействие на развитие российского хозяйства, в то время как в Западной Европе, напротив, оно стало источником технологического и социального прогресса. Считается, «что в Европе военная сфера опиралась на эффективные экономические институты, достаточно справедливую систему налогообложения и централизованное государство – и все это отсутствовало в России. Но проблема в том, что русские на самом деле построили свою империю, основываясь именно на этих элементах – налогообложении и армии» [13, 38]. То же самое касается поздней и относительно слабой урбанизации («сельское устройство жизни больше не считается синонимом стагнации и отсталости» [13, 42]), роста территории и низкой плотности населения. «Евразийские империи не могут быть объяснены исключительно посредством их размера или населения. <...> Размер и способность обеспечить безопасность границ страны должны быть объяснены, а не рассматриваться как данность. Особо крупный размер (территории. – Д. Х.) не обязательно является источником силы. Он вполне может вести к политической или институциональной слабости» [13, 44–45].

По убеждению А. Станциани, все эти вопросы нуждаются в новом исследовании. В области истории хозяйства необходимо связать «налогообложение с территориальной организацией армии, чтобы выявить взаимодействие между колонизацией, снабжением городов и армии и экономическим ростом» [13, 40]. В области истории общественных отношений нуждается в пересмотре соотношение экономических и внеэкономических методов принуждения. «Капитал и принуждение, – говорит ученый, критикуя Ч. Тилли, – были тесно соединены как в Европе, так и в Азии. Принуждение опиралось на капитал, а капитал широко пользовался принуждением. Подлинный вопрос состоит в том, как эти элементы взаимодействовали в социальной организации, военной стратегии и государственном строительстве [13, 40].

Третья глава, «Могущество Степи. Монгольское наследие и экспансия Москвы», посвящена освоению русскими степного пояса Евразии. Гигантский рост территории России в XVI–XIX вв., в результате которого возникла крупнейшая страна современного мира, – тот сюжет отечественной истории, который, наверное, привлекает наибольшее внимание на Западе, особенно в последние годы. При этом «Россия часто описывается как страна деспотизма, коррупции и крепостного права, и если она как-то может претендовать на статус великой державы, то это благодаря репрессиям, централизации и большому размеру территории» [13, 47]. При этом остается непонятным, «каким образом Москва смогла поставить в строй необходимое количество войск и в конечном итоге одержать победу над намного более могущественными, лучше организованными силами?» [13, 47]. В семи параграфах главы автор показывает, что накопленный в современной науке уровень знаний заставляет скорректировать многие априорные тезисы, лежащие в основе этого подхода: что дипломатия Московского государства, застывшего в осознании своего религиозного превосходства над остальным миром, была негибкой и неспособной выстраивать союзнические отношения с другими государствами; что допетровская Россия «имела очень ограниченные возможности и отсталые методы ведения войны» [13, 52]; что снабжение более современной армии было не по силам коррумпированной и неэффективной московской бюрократии, а финансы Московского государства постоянно находились в крайне плачевном состоянии; что жесткое социальное

устройство должно было препятствовать переселениям на вновь осваиваемые земли. А. Станциани показывает, что картина, известная специалистам, решительно не соответствует этим расхожим представлениям и успехи России простекают из того, что военные и социальные решения соответствовали реальным условиям освоения степных пространств. «В сравнении с Западом, – убежден он, – эти решения сейчас выглядят менее “примитивными” и упрощенными, чем их обычно себе представляют» [13, 11].

Важное место в концепции А. Станциани занимает мысль о том, что современное изучение истории крупных евразийских империй поворачивается от противопоставления кочевых обществ и «территориальных государств» к изучению их взаимодействия и взаимного влияния. Обширная и взаимовыгодная торговля, интеграция кочевых элит и, шире, объединение народов с разными укладами в рамках крупных евразийских империй активно исследуются на материалах Средней Азии, Индии, западного пограничья Китая. Здесь стоит сказать о том, что в русской историографии этот поворот начался, возможно, даже раньше, чем в европейской [см., напр.: 9, 7–8].

В то же время не со всеми элементами рисунка автором картины можно согласиться. «Москва, – считает А. Станциани, – сумела получить контроль над территориями, которые отнюдь не были пустыми, напротив, были фактически заняты сильными державами, такими как Османская империя, монгольские ханства и государство Сефевидов» [13, 71]. Во-первых, речь едва ли может идти о том, что все эти страны действительно присутствовали в евразийской степи. Можно считать установленным, что османы вплоть до второй половины XVII в. не вели собственной политики в глубине степей, предпочитая действовать через посредство крымского хана [10], а первой их крупной кампанией против Московского государства стали Чигиринские походы [11]; иранская сфера влияния никогда не расширялась за пределы восточной части Северного Кавказа. Основные центры крупных степных монгольских государств – государства алтын-ханов и Джунгарии – располагались южнее пояса русской колонизации Сибири, и при всех сложностях дипломатических отношений дело ни разу не дошло до войны России с ними [см., напр.: 4]. В степях имелись лишь зыбкие ареалы политического влияния этих государств.

Однако еще важнее то, что продвижение России в степи сопровождалось кардинальным изменением хозяйственного уклада и стремительным ростом населения на осваиваемых землях. Все-таки до середины XVI в. территория Северной Евразии, исключая исторический центр Русского государства, была одной из самых слабозаселенных частей мира [1, 35]. В свете этого не следует ли рассматривать перипетии политических отношений, торговли и военных столкновений с кочевым и казачьим населением степей, скорее, как фон для более масштабного процесса – медленного освоения новых территорий земледельцами?

Четвертая глава, «Рабство и торговля в Центральной Азии и России», посвящена еще двум сюжетам, связанным с представлением об «азиатском деспотизме» как главной черте социального устройства Московского государства, – холопству и судьбе военнопленных.

В первом параграфе А. Станциани ставит вопрос о холопстве в Московском государстве в контексте отношений личной зависимости в мире раннего Нового времени. Критикуя представления, сближающие статус холопов с положением рабов в европейских колониях и рисуя со свойственной ему широтой кругозора панораму подобных институтов на пространствах Евразии, он показывает, что существовавшие в Московском государстве отношения «далеко отстоят от правил, которые мы находим во многих рабовладельческих системах (включая Рим и западные колониальные кодексы), но зато не слишком отличаются от форм личной зависимости в исламских и католических странах» [13, 83]. «Холопство <...>, – считает он, – часто было формой включения в общество, а не исключения из него (как классическое рабство)» [13, 102].

Вторая часть главы посвящена роли пленных и обмену ими в истории территориальной экспансии России. А. Станциани убедительно показывает, что среднеазиатский и, шире, евразийский рынок рабов в XV–XVII вв. был одним из крупнейших в тогдашнем мире; систематизируя имеющиеся оценки, он обосновывает, что за три века через него прошли 6–6,5 млн человек (что вполне сопоставимо с крупнейшими центрами работорговли того времени: трансатлантическая торговля за то же время поглотила около 11 млн человек, как и средиземноморско-ближневосточная) [13, 104].

Однако автор идет дальше и утверждает, что «Москва вышла на уже существующие торго-

вые пути <...> на этих торговых путях рабы приравнивались к другим товарам в соответствии со старой, давно утвержденной практикой. Это весьма схоже с ситуацией в Средиземноморье» [13, 96]. В XVI в., по мысли автора, захваченные в ходе восточной экспансии пленники «заполнили рабские рынки» [13, 97]; в следующем столетии «русские и в особенности казаки также продавали пленных татарам и напрямую османам» [13, 100]. А. Станциани приводит свидетельство Павла Алеппского о том, что в 1655 г. захваченные в Речи Посполитой пленные открыто продавались на улицах Москвы.

С этими положениями сложно согласиться. Конечно, пленные бывают в любых войнах, и несомненно, что судьба их могла складываться по-разному. Например, донские казаки в «Повести об Азовском осажденном сидении» говорят туркам: «Жен себе красных, любых выбираючи, от вас же уводим». Однако в литературе мы решительно не обнаруживаем никаких свидетельств систематической продажи пленных русской властью или русскими подданными за рубеж. Если разобраться, то и свидетельство Павла Алеппского показывает то же: продажа пленных на улицах говорит именно об отсутствии развитого рынка и большого числа профессиональных скупщиков пленных. Кроме того, судьбы пленных в русско-польскую войну 1654–1667 гг. неплохо известны – они в большом количестве направлялись в Сибирь, где поступали на службу и сыграли немалую роль в заселении и освоении края [5]; после заключения Андрусовского перемирия значительная их часть была освобождена [6, 55–65].

Но главное, сами приведенные А. Станциани свидетельства говорят о том, что последствия взаимодействия с этой системой работорговли были резко отрицательными для России. Московское государство и, шире, Восточная Европа теряли, а не приобретали население и ресурсы. Помимо постоянной потери подданных Московское государство в XVI–XVII вв. ежегодно тратило огромные суммы на «искупление пленных» из Крыма [2], и даже в XIX в. русские пленные регулярно выкупались из Средней Азии. Верно, что «без длительной традиции работорговли и торговли пленниками мы не сможем понять своеобразную связь между территориальной экспансией, военными усилиями, фискальными проблемами и крепостным правом в России» [13, 93]. Однако следует уточнить, что Россия была не участником

этой торговли, а ее жертвой, и именно прекращение набегов работорговцев к концу XVIII в. увенчало ее длительную борьбу за безопасность своих южных границ.

Пятая глава, «Ни феодализм, ни капитализм: Аграрные рынки в условиях принуждения», посвящена вопросу о том, в какой степени крепостничество ограничивало развитие торговли и промышленности, «была ли барщина крупным препятствием, если не антитезой, рыночным отношениям» [13, 108]. Хотя втягивание поместий в рыночные отношения, развитие крестьянских промыслов и крестьянской промышленности во второй половине XVIII в. хорошо известны специалистам, в западных обобщающих работах при рассмотрении российского варианта развития до сих пор доминируют схемы Э. Валлерстайна и В. Кули, восходящие, в свою очередь, к идеям Ф. Энгельса о «втором издании крепостничества в странах к востоку от Эльбы» и исходящие из того, что установление жестких крепостнических режимов в этих странах привело к катастрофическому упадку товарно-денежных отношений и городской жизни. А. Станциани убедительно показывает, что «рост производства и стандартов жизни, коммерциализация сельского хозяйства в России не могут быть объяснены потенциалом крепостнической системы (т. е. возможностью извлекать больше и больше прибавочного продукта силой)», и видит это объяснение в «гибкости системы, состоящей из стимулов и ограничений, центральных законов и местных обычаев» [13, 116]. Подобный взгляд вполне близок современной российской историографии [см., напр.: 15].

В шестой главе, «За пределами экономической отсталости: Труд и рост в долгом XIX веке», А. Станциани делает разбор имеющихся представлений об экономическом росте Российской империи во второй половине XIX в. и убедительно показывает, что о нарастающем отставании России от крупнейших стран Западной Европы говорить не приходится. Очень интересен второй параграф главы, где автор, разбирая причины медленного перехода российского сельского хозяйства на индустриальные рельсы, показывает, что даже в Англии и Франции прогресс сельского хозяйства в это время достигался в большей степени за счет интенсификации труда, чем за счет внедрения элементов индустриальной агрикультуры.

Книга Алессандро Станциани, отличающаяся взвешенностью оценок и широтой взгляда

дов, безусловно, является в первую очередь явлением западной историографии, страницей в истории западноевропейских споров о путях русской истории. Хочется верить, что она будет способствовать преодолению хорошо знакомой ситуации: обобщающие западные работы, полные интересных идей и новых подходов, нередко оказываются удручающе непрофессиональными, как только речь заходит об истории России.

В то же время, как представляется, она может быть очень интересна и для русского читателя. Это замечательный «путеводитель» по тем проблемам, которые сегодня занимают зарубежную русистику.

В последние десятилетия западноевропейская и американская наука благодаря трудам таких ученых, как Н. Коллманн, В. Кивельсон,

М. Ходарковский, А. Станциани и многие другие, сделала решительный шаг к преодолению априорных социологических схем, помещающих историю России московского и петербургского периодов на периферию мирового исторического процесса, как один из «тупиковых вариантов» развития. Отечественная историография двигалась навстречу – от представлений о «непременной идентичности наших этапов развития с развитием исторического процесса в основных странах Западной Европы» [3, 5] к осознанию глубокой специфики российского социума, связанной с объективными условиями его существования. Книга А. Станциани показывает необходимость диалога и намечает пути преодоления того отчуждения, которое продолжает существовать между наукой русской истории в нашей стране и за рубежом.

Библиография:

1. Александров В. А. Освоение евразийского континента и расширение многонационального Российского государства (середина XVI – XVIII век) // Русские. М.: Наука, 1997. 840 с. С. 21–36.
2. Жуков В. Д. «Общая милостыня». Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века // Родина. 2014. № 11. С. 95–97.
3. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 568 с.
4. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. 320 с.
5. Никитин Н. И. Тобольская литва в XVII веке // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX вв. М.: Институт истории АН СССР, 1991. 180 с.
6. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. В 4 т. Т. 3. М.: Университетская типография, 1900. 394 с.
7. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 378 с.
8. Россия и степной мир Евразии. Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 432 с.
9. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. 568 с.
10. Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. В 4 ч. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 378 с. С. 108–148.
11. Яфарова М. Р. Турецкие планы в первом Чигиринском походе 1677 г. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. М.: Исторический факультет МГУ, 2013. 570 с. С. 310–315.
12. Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие. 2-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2003. 240 с.
13. Stanziani Alessandro. After Oriental Despotism: Eurasian Growth in a Global Perspective. London: Bloomsbury, 2014. 219 p.
14. Stanziani Alessandro. Bondage. Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries. New York, Oxford: Berghahn (International Studies in Social History. Volume 24), 2014. 220 p.
15. Filippov Igor. La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine // Nouveaux servages et société en Europe (XIII–XX siècle). Actes du colloque de Besançon, 4–6 octobre 2007. Ed. N. Carrier. Caen, AHSR (Bibliothèque d'Histoire Rurale, 11), 2010. P. 333–382.

References (transliterated):

1. Aleksandrov V. A. Osvoenie evrazijskogo kontinenta i rasshirenie mnogonatsional'nogo Rossiiskogo gosudarstva (seredina XVI – XVIII vek) // Russkie. M.: Nauka, 1997. 840 s. S. 21–36.
2. Zhukov V. D. «Obshchaya milostynya». Vykup plennykh Moskovskim gosudarstvom iz Kryma v seredine XVII veka // Rodina. 2014. № 11. S. 95–97.
3. Milov L. V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. 2-e izd., dop. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006. 568 s.
4. Moiseev V. A. Rossiya i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. 320 s.

5. Nikitin N. I. Tobol'skaya litva v XVII veke // Gorod i gorozhane Rossii v XVII – pervoi polovine XIX vv. M.: Institut istorii AN SSSR, 1991. 180 s.
6. Ogloblin N. N. Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza. V 4 t. T. 3. M.: Universitetskaya tipografiya, 1900. 394 s.
7. Rossiiskaya mnogonatsional'naya tsivilizatsiya: Edinstvo i protivorechiya / Otv. red. V. V. Trepavlov. M.: Nauka, 2003. 378 s.
8. Rossiya i stepnoi mir Evrazii. Ocherki / Pod red. Yu. V. Krivosheeva. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 432 s.
9. Tikhomirov M. N. Rossiya v XVI stoletii. M.: AN SSSR, 1962. 568 s.
10. Florya B. N. Voyny Osmanskoi imperii s gosudarstvami Vostochnoi Evropy (1672–1681 gg.) // Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. V 4 ch. Ch. 2. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2001. 378 s. S. 108–148.
11. Yafarova M. R. Turetskie plany v pervom Chigirinskom pokhode 1677 g. // Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3. M.: Istoricheskii fakul'tet MGU, 2013. 570 s. S. 310–315.
12. Eko U. Kak napisat' diplomnuyu rabotu. Gumanitarnye nauki: Uchebno-metodicheskoe posobie. 2-e izd. M.: Knizhnyi dom «Universitet», 2003. 240 s.
13. Stanziani Alessandro. After Oriental Despotism: Eurasian Growth in a Global Perspective. London: Bloomsbury, 2014. 219 p.
14. Stanziani Alessandro. Bondage. Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries. New York, Oxford: Berghahn (International Studies in Social History. Volume 24), 2014. 220 p.
15. Filippov Igor. La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine // Nouveaux servages et société en Europe (XIII–XX siècle). Actes du colloque de Besançon, 4–6 octobre 2007. Ed. N. Carrier. Caen, AHSR (Bibliothèque d'Histoire Rurale, 11), 2010. P. 333–382.